

в то время как перед нами пушкинская интерпретация "общего места" сербских героических песен.

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР
В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО "ПОДРОСТОК"

А.Ф.Б е л о у с о в, С.Н.М и т ю р е в

Вспоминая свою старую квартиру, Макар Девушкин упоминает и о сказках, которые длинными зимними вечерами рассказывала его хозяйка. Отчетливое противопоставление прежнего уединения и ~~нынешней~~ жизни героя "Бедных людей" в многонаселенной квартире распространяется и на эти "сказки": антитезой к ним выступают "сплетни" и "толки" обитателей "Ноева ковчега". Место устно-поэтической традиции занимает здесь злободневная молва.

"Слухи" и "толки" являются характерной особенностью городского быта в произведениях Достоевского. Долгое время ими, по сути дела, и ограничивался весь репертуар устных словесных текстов, которые циркулируют в любой из изображаемых писателем обностей городского населения (от новой квартиры Макара Девушкина до города Скотопригоньевска в "Братьях Карамазовых").

Лишь только в "Бесах" появляются достаточно ясные указания на то, что этот репертуар не исчерпывается одними "слухами" и "толками". Сравнивая Ставрогина с "иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания", рассказчик приводит ряд рассказов "про декабриста Л [уни]на". Эти рассказы мало чем отличаются от "историй" и "анекдотов" о текущих событиях, которые столь обильно представлены в провинциальной "хронике" Достоевского. Оно и понятно: рассказы о Лунине — отголоски все той же молвы, в отличие от других, современных им "слухов" и "толков" сохранившиеся в "легендарных воспоминаниях" общества, ставшие его живой памятью. Особая функция подобных рассказов выделяет их в самостоятельный жанр городского фольклора, соответствующий историческому преданию в традиционной народной словесности.

Этот жанр становится предметом пристального внимания Достоевского в романе "Подросток".

Хозяин квартиры, где живет ушедший из дома Аркадий, бедный чиновник Петр Ипполитович рассказывает "преинтересную историю" о том, как при "покойном государе" некий молодой "мещаниншка" из Ярославской губернии остроумно и задешево освободил улицу "близ Павловских казарм" от лежавшего на ней огромного камня, посрамив тем самым англичан и Монферана, требовавших за это большие деньги. "История" оказалась недостоверной. Объясняя Аркадию психологию бытования подобных "историй", Версиров называет еще ряд сюжетов и исторических лиц, которые либо в прошлом, либо теперь фигурируют в рассказах той "жалкой среды", представителем которой выступает Петр Ипполитович. Любимые герои этих рассказов — ловкачи (как, например, престарелый министр Чернышев, так поддельывавший свою внешность, что казавшийся тридцатилетним) или глупцы (вроде коменданта Башуцкого). Они же являются и основными персонажами бытового анекдота. Характерно в этом плане замечание Анны Андреевны Версировой о Петре Ипполитовиче: "он очень веселый человек и знает множество анекдотов". Анекдотическими персонажами истории и ограничивается интерес к ней людей вроде Петра Ипполитовича. Ведь и его "история" о камне, будто бы убранным с улицы "близ Павловских казарм" — тот же анекдот о хитром и ловком человеке ("русский ум"), лучше известных умников-иностранцев справившемся с трудной задачей.

Для Петра Ипполитовича это и есть настоящая и с т о р и я. Она отвечает его "патриотическому чувству". Именно это чувство заставляет его не верить анекдоту Версирова о купце, сыгравшем злую шутку с трактирщиком. Однако Версиров не зря, рассказывая Аркадию этот анекдот, называет его "старинным московским анекдотом à la Петр Ипполитович". Дело не в конкретных анекдотах — сам жанр анекдота лежит в основе исторических представлений Петра Ипполитовича: основная тема этого жанра — умственные способности человека, что соответствует тому исключительному значению, которое, по мнению Достоевского, придается "уму" в сознании людей из "интеллигентных классов" (см. его "Нечто о вранье").

Историческими анекдотами отнюдь не исчерпывается интерес Петра Ипполитовича к "общечеловеческому, поэтическому". Он знает и о любопытном процессе в английском парламенте, где в прошлом веке судили "по нашим законам" Христа и вынесли ему обвинительный приговор, может потолковать и о модном ныне спиритизме. Его интересует все сколько-нибудь необычное, чрезвычайное и занимательное. Старого князя Сокольского он пугает своими воспоминаниями о фокусах "приезжего шарлатана", который на его глазах в "пятьдесят девятом году" отрезал человеческие головы и потом приставлял их так, что они опять прирастали к шее. Это — типичный городской житель: общительный, любопытствующий, готовый даже стать шпионом, лишь бы испытать "радость интриги", сказаться в центре происходящих событий.

Далеко не случайно, что появление Петра Ипполитовича в романе совпадает со временем приобщения Аркадия к светской жизни. Отчетливее и полнее, чем все прочие персонажи "Подростка", он олицетворяет собой ее основную особенность — "лганье", которым, по мнению Достоевского, изложенному им в заметке "Нечто о вранье", проникнуто все общество: собрания, вечера, клубы... Версиков, которому писатель передает свои мысли на этот счет, прямо называет Петра Ипполитовича "типом" — типом "непорядочного" лгуна. Этот тип распространен, как отмечает Версиков, даже и в "самом порядочном нашем обществе", признаваясь, что и сам он принадлежит к нему. Мир светского общения попросту невозможен без подобных "типов". Они поддерживают его фундамент — праздную "болтовню" с ее непременно "остротами" и "анекдотами" (которые у Достоевского в этом контексте выступают прежде всего как в е с е л ы е анекдоты). Втягиваясь в этот пустой и ищущий одних лишь развлечений мир, Аркадий приобщается к жизни, где царствует веселый анекдот. Он и сам должен стать "остряком, говоруном и рассказчиком". Этот момент обыгрывался в подготовительных материалах к "Подростку" (ср.: "неугомонно острит в обществе за картами, рассказывает анекдоты, говорит остроты и срезывается"), но в окончательном тексте романа осталось лишь его признание в том, что и он "несколько раз" рассказывал "про

Чернышева".

Аркадию приходится преодолевать не только "школьнические, гимназические" черты в себе и своем поведении. Столь же незрелой оказывается и взрослая жизнь, которая временами обнаруживает поразительное сходство с жизнью детей, подростков: и это — не только альбом порнографических фотографий, которые Петр Ипполитович показывает старому князю Сокольскому — на фоне "гадких разговоров" подростков о женщинах; но и намерение соученика Аркадия по гимназии Ефима Зверева "бежать в Америку" — в параллель с рассказами о ней "государственных людей", что отражает всеобщую погоню за "придуманным", пренебрежение действительностью, "истиной". Характерно, что отмеченные здесь инфантильные черты взрослой жизни опять-таки связаны с Петром Ипполитовичем: выявляются в разговорах или событиях, происходящих на его квартире.

Ей противостоит дом, где живет мать Аркадия. Здесь Аркадий знакомится с человеком, фамилию которого он носит — странником Макаром Ивановичем Долгоруким. Рассказывавший матери Аркадия, когда та была ребенком, сказки, он и теперь, перед смертью, занимает окружающих своими "историями". От него Аркадий впервые слышит "легенды из жизни самых древнейших подвижников", но более всего подростка поражают рассказы Макара Ивановича "из частной жизни". Обстановка рассказывания напоминает обычные формы светского общения ("у нас установилось нечто вроде "вечеров", — замечает Аркадий), да и сами рассказы пестры и разнообразны, как в любом непринужденном разговоре и не имеют "никакого общего характера, нравоучения какого-нибудь или общего направления". Однако все это исполнено глубочайшего внутреннего смысла, потому что заключает в себе слово отходящего в иной мир старца: открывается то, что "поэтичнее всего, <...> даже фантастичнее всего, что мог бы нагать и напредставлять себе повадливый ум человеческий" — и с т и н а.

Одна из "историй" Макара Ивановича приводится в романе. Это и есть истинная и с т о р и я, которых "в наших городах и городишках случается тысячами, лишь бы уметь смотреть". Анекдотам городских "болтунов" и "дураков" противопоставляется народная легенда.